

**ВОЗМОЖНО ЛИ МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ БРИКС И
ЗАПАДА?**

*Доклад на XXII Международных Лихачевских научных чтениях,
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов,
12–13 апреля 2024 года*

Конечно, это парадокс: вы любезно пригласили представителя «читающего лекции гегемона» выступить по вопросу БРИКС и многополярности! Должен заметить, что итальянский философ Юлиус Эвола, осматривая «руины западного модернизма», сказал о себе: он, так сказать, находится «в эпохе модернизма», но *не относится* к модернизму. Я могу заявить о себе то же самое.

В Риме до сих пор сохранился *Domus Aurea*, «Золотой дом» (хотя и только малая часть). Это был огромный комплекс, построенный императором Нероном на Оппианском холме после ужасного пожара, случившегося в 64 году н.э. Поразительно то, что строился он на основе архитектуры древних египетских храмов. Его богато украсили изображениями птиц, пантер, цветов лотоса и божествами — опять же вся природа в египетском стиле.

На самом деле Нерон изобразил себя фараоном в образе Ра (или, если хотите, Аполлона). Это был этаким мост между материальным миром и нематериальным.

Короче говоря, через 70 лет от «Золотого дома» не осталось и следа. Его аннулировали (если использовать язык сегодняшнего дня): все изъяли,

разграбили и засыпали землей; потом над ним что-то построили и о нем полностью забыли.

Переход к одномерному миру был уже на пороге.

Но затем в 1480 году молодой римлянин, прогуливаясь по Оппианскому холму, провалился в дыру и оказался в странной пещере, заполненной животными, растениями и разными фигурами. Он нечаянно упал во дворец Нерона. Римляне уже полностью забыли, что он когда-то существовал.

Вскоре уже величайших художников Рима спускали вниз на веревках, чтобы они своими глазами осмотрели дворец. Рафаэль и Микеланджело заползали под землю, их спускали в шахты, чтобы они могли изучить то, что там находилось. Результат этой находки привел людей в возбуждение, был мгновенно оценен, к нему отнеслись очень серьезно.

Вот такой мир утратил Запад: разнообразие и метафизическое возбуждение, которое вызывает древность.

После этой короткой «вспышки» началась эпоха Возрождения, и случайно всплыл текст *Corpus Hermetica* («Герметического корпуса»), известного с древнейших времен и, как считается, написанного мудрецом древности Тотом. Его перевели в 1471 году.

Эта новость тоже прокатилась по Европе. Казалось, что она, возможно, разрядит обстановку в период, когда угрожала начаться война между протестантами и католиками.

Здесь дело было в том, что герметическое понимание общества и истории – мира – представляло собой интегрированную совокупность. Оно предлагало более холистическую перспективу; ту, которая может объяснить (а не аннулировать или вычеркнуть) противоречия между материей и реальностью.

Противоречия и противостояния в истории и понимании считались и продолжают считаться сегодня опасными и рассматриваются как угрозы установленному порядку. «Герметический корпус» предлагал очень отличную точку зрения. Противоречия — это только множественность, проявляющаяся сама по себе. Если посмотреть на них правильно, то они подчеркивают органичное единство.

Все было слишком поздно: многовалентная революция оказалась мертворожденной. Король Англии Яков I заплатил кальвинисту-радикалу Исааку Кейсобону, чтобы тот в 1614 году написал заказную «хитовую» статью о том, что проведенный им филологический анализ текста доказывает, что «Корпус» — это подделка, скорее всего написанная христианами в Александрии.

Исконная египетская философия была полностью развенчана и признана еретической и колдовской. Она никогда не восстановилась. А к 1478 году началась испанская инквизиция.

Теперь мы знаем, что в «Корпусе» на самом деле нашли отражение элементы самых древних египетских учений, существовавших 4500 лет назад, а то и раньше и совершенно точно в первые годы «Старого царства».

В любом случае пузырь лопнул. Герметисты были дискредитированы; некоторых сожгли заживо, а Европа оказалась разрушена и сломлена догмами и кострами Инквизиции. Считается, что в период Инквизиции и охоты на ведьм примерно 10 000 европейцев сожгли на кострах или утопили.

Сегодня Западная Европа снова охвачена навязываемой догмой: если точнее — эсхатологическим догматизмом. Израиль сегодня видит себя оплотом против «конца всего» и соответственно вооружается и готов применять военную силу, чтобы сохранить свое видение себя, и точно также Европа, хотя и менее правдоподобно, занимает «секулярную

эсхатологическую позицию» (если это не оксиморон), чтобы раздавить Россию за то, что отказывается принять «новую революцию нравственности» и возглавляет мировую контрреволюцию.

Современная Западная Европа подобна Санкт-Петербургу в начале 1917 года, после Февральской революции, хотя наши «большевики» уже давно прибыли на Финляндский вокзал (по крайней мере в 1970-ые годы).

Мы в Западной Европе переживаем период революции и гражданской войны: история подсказывает нам, что гражданская война, как правило, продлевается пиковыми эпизодами, которые рассматриваются как «революция» (например, уличные протесты общественного движения «Жизни черных имеют значение»), но на самом деле являются альтернативными режимами того же самого; идет долгое переключение между революцией и культурной войной.

Нельзя не заметить, как испортились характеры у американцев и европейцев в целом. Ушли спокойные, аргументированные и рассудительные дискуссии; теперь при обсуждении вопросов обычными стали крики, эмотивизм, обособление и дистанцирование от других. Это плохие знаки для будущего.

Предчувствие — это шестое чувство, инстинкт. Как [сказал](#) Такер Карлсон: *«Есть разгневанные люди, которые чувствуют, что у них нет выхода, которые не верят, что выборы настоящие ...»*.

Почему западное общество такое косное, почему оно так неосознанно поддерживает сворачивание цивилизационных идей? На самом деле парадоксально, что половина западного общества видит революцию, при этом вторая половина сбита с толку и растеряна, или просто не замечает происходящее. Никакого простого объяснения этого парадокса нет.

Тем не менее то же самое происходило в Санкт-Петербурге. Генерал Врангель (царский офицер и военачальник) [писал](#) в своих мемуарах о том,

как приехал в Санкт-Петербург в феврале 1917 года (после того, как в поезде избил мужчину с красной лентой за оскорбление женщины). По прибытии он пришел в ужас при виде беспорядков везде и изобилия коммунистической параферналии — и больше всего красных лент и флагов.

Он писал о том, как был [шокирован](#) тем, что люди в целом и представители высших классов в частности вели себя так, будто все нормально: они *«не обращали внимания на приближающуюся бурю»*.

Если выразиться прямо: похоже, что вроде бы нормальное по виду состояние ничего не говорит о том, что общество должно вот-вот развалиться.

В наши дни элиты тоже носят ленточку — только не красную, а *радужную*.

Покойный американский мыслитель Кристофер Лаш (умер в 1994 году) незадолго до смерти пришел к выводу, что высший класс Америки по сути вышел из американской нации и эмигрировал в отдельную реальность, в которой они вообразили распад существующего западного порядка во имя справедливости и возмездия.

Современный французский философ Эмманюэль Тодд сходится с ним во мнении и высказывает предложение в своей книге *La Défaite* («Поражение»), что Америка больше не является национальным государством, а является нигилистской империей, где идет постоянное восстание против собственного прошлого, а правящая элита нацелена сломить доминирующее положение белых, синих воротничков и среднего класса в американском обществе.

Тодд отмечает, что раскол породил *«захватывающий дух догматизма всей западной элиты, некий вид идеологического солипсизма, который не дает им увидеть мир — таким, какой он **есть** на самом деле»*.

Тем не менее большинство людей на Западе до сих пор так и «не видят этого»; они не могут признать, что цель революции (хотя она не скрывается) — это как раз эти обеспеченные члены среднего класса, которые носят ленточки (а не технократическая элита), культурная революция нацеливается на них: хочет сместить с их мест, подчинить и подвергнуть санкциям.

Наложить санкции в качестве возмещения ущерба за историческую дискриминацию и расизм; не за то, кем они являются *сегодня*, а за то, кем *могли быть* их предки. Для достижения этой цели — «смещения» преимущественно «белых выдохшихся мужчин» из западного среднего класса с их «привилегированных позиций», революционеры привели идеологическую оппозицию к национальным границам и приветствовали открытие дверей для иммиграции.

В дополнение к этому произошел революционный «переход» от реальной производственной экономики (основного источника рабочих мест для «отбросов общества») к новой высоко технологичной экономике, сосредоточенной на вопросах климата и подпитываемой искусственным интеллектом, той, которую эти новые разнообразные элиты находят легче поддающейся управлению, податливой и послушной.

Тем временем по этому сценарию «отбросы общества» из «синих воротничков» становятся экономическими изгоями и «разменным» сектором по мере того, как реальная экономика неизбежно отмирает.

Нужно пояснить, что, когда идеология, открыто восставая против своего прошлого, объявляет, что «мужчина может стать женщиной, а женщина мужчиной», таким образом явно подтверждая ложь, это имеет определенную цель. Очевидно, что намерением является подведение черты под западной (латинской) христианской традицией. Это тоже один из главных выводов Эмманюэля Тодда.

Какие уроки из этого может извлечь БРИКС?

Во-первых, эти кумулятивные «переходы» требуют печатания денег в огромных количествах. Это едва ли было приемлемо и контролируемо, когда проект можно было финансировать при нулевой процентной ставке; но теперь у схемы есть ахиллесова пята — инфляция и резко возросшие процентные ставки. Экспоненциальный западный долг из-за финансирования «переходов» резко вырос и теперь угрожает привести всю «революцию» к финансовому кризису и обрушению уровней жизни.

Инструмент «свободных денег» способствовал многим вещам, многое упростил, но оказался смертоносным. Он создал такое неравенство, которое люди не видели на протяжении жизни многих поколений (хотя знакомое русским, которые вспоминают 1990-ые годы), поляризованную политику и огромные финансовые пузыри.

Однако, и во-вторых, поток новых денег открыл дверь новым СМИ: платформы, которые раньше полагались на продажу новостей, были заменены на тех, кто представляет интересы рекламодателей, их волнует только привлечение внимания людей и продажа его тому, кто больше даст. Появилась новая экономика внимания.

Властные слои это поняли; они были счастливы. Поэтому, в-третьих, словам больше не требуются объективные значения. Все связано с «вниманием» — неважно, как его привлекают. Истиной или ложью. Этого хотят рекламодатели. Слова могут означать то, что хотят обладающие властью люди. «Истина» за рассказом не имеет значения. Можно свободно врать.

В-четвертых, Запад, преднамеренно распространяя и навязывая морально пустую идеологию, которая не является привлекательной для большинства стран и культур мира, просто не представляет, какая огромная часть мира отвергает систему ценностей современного глобалистского неолиберализма. Она скорее отталкивает, чем привлекает

людей. И поэтому западная номенклатура навязывает ее с удвоенными усилиями.

Поэтому перед нами встает вопрос: как глобальный, многополярный блок справится с Западом,двигающимся к нравственному, политическому и, возможно, экономическому краху? Возможно ли мирное сосуществование БРИКС и Запада?

Выйдет ли Запад «с другой стороны» своей культурной революции более стоворчивым потенциальным партнером БРИКС? Или Запад развалится после долгой внутренней борьбы? Послевоенная история не воодушевляет: Запад пытался остаться единым целым, создав врагаманхейца, чтобы сплотиться и объединиться для борьбы с ним.

Также история подсказывает, что даже хотя революционеры и могут прийти к какому-то согласию, полностью они соглашаются редко и не возвращаются к старому конституционному порядку. Будет новый, может, в какой-то степени возвращение к конфедерации в США и Европе. Но сегодня это только рассуждения.

Суровая действительность состоит в том, что «синие революционеры» в США богаты, владеют ключевыми институтами в обществе и рычагами принуждения. Проще говоря, они удерживают «командные высоты».

Да, зарождающаяся контрреволюция — в большей степени в США (но также и кое-где в Европе) — укрепляется; ее представители (поступая правильно или неправильно) демонстративно не желают отказываться от традиционных нравственных ценностей, они также не готовы брать на себя «вину» и подчиняться требованиям о «репарациях» за историческую несправедливость.

Вопрос здесь очевиден. Контрреволюции будет достаточно? В то время как Эмманюэль Тодд верит, что все зашло слишком далеко, и нет надежды спасти западную цивилизацию и повернуть часы назад, другие

надеются, что все еще остается время, чтобы хоть что-то спасти. Посмотрим.

Что в таком случае является «крошечным» ядром, вокруг которого все-таки можно найти что-то общее между странами БРИКС и Западом?

Раскол с БРИКС частично произошел потому, что не-Запад сейчас очень четко понимает, что постмодернистский Запад — это не цивилизация *per se* (*по сути, как таковая — лат.*), а скорее нечто сродни механической «операционной системе» (управляемой технократии). Это не встраивается в план многополярности, поскольку речь больше не идет о цивилизации-государстве.

Европа эпохи Возрождения разительно контрастирует с нынешней, она *на самом деле* состояла из цивилизаций-государств, но в дальнейшем победил европейский нигилизм.

Сегодняшний миф о том, что Европа является наследницей высших ценностей, начиная с времен Афин — «От Платона до НАТО», если хотите показал, что это фатальное тщеславие. Он подвергается различным преобразованиям и модернизации риторики и идеологических установок, заявляется, что Запад каким-то образом «побеждает», но в новой риторике и идеологических установках не хватает убедительности.

Итак, мы добираемся до корня проблемы. БРИКС пытается договориться о мирном *modus vivendi* (*способ существования — лат.*) с западной сферой, и самым большим барьером здесь является то, что, будучи «самой собой», уникальной цивилизацией-государством, группа неотделима от *существования в пространстве вопросов нравственности*.

Недостаточно просто объявить, что нечто «является многополярным». Истинное неучастие означает то, что алжирский писатель Франц Фанон назвал «*отчуждением*» — готовность действовать; приглашение предпринять реальные шаги в направлении автономности и суверенитета.

Возможно ли для стран БРИКС держать ногу в «мире, расколотом на две части»? Вероятно, нет — по крайней мере, до тех пор, пока не начнется культурная война в США и Европе, и, хотя бы частично не решится этот вопрос. Быть членом западной финансовой системы, если говорить только об этом, становится очень проблематичным из-за социальной токсичности системы; но непреодолимое препятствие, если выражаться простым языком, состоит в том, что главный стимул западной механистической эпистемологии исходит из телеологической анти-моральности.

Если выразиться резко, то «новые ценности», которые мы сейчас видим, предназначены для того, чтобы вбить кол в традиционную культуру. Куда именно вбивается кол? Он вбивается в то общее, что есть у стран БРИКС в плане нравственных ценностей, то, что можно назвать чувствительностью к непостижимому. Большая часть современной западной мысли просто игнорирует объемы нашего нравственного сознания и отмахивается от него или как от путаного, или как незначительного и не имеющего отношения к делу.

Общим является то, что все цивилизации БРИКС используют «строгую оценку». То есть они все обладают способностью отличать правильное от неправильного, справедливость от несправедливости, динамику, которая ведет общество вверх, и ту, которая тянет вниз.

Наша способность отличать добро и зло по ключевым вопросам лежит глубоко внутри нас. Но именно в этом страны БРИКС должны искать общее с Европой. Они должны говорить на таком языке нравственности, который будет резонировать с остатками нравственности, которые все еще не исчезли на Западе.

После повторного обнаружения *Domus Aurea* («Золотого дома») и *Hermetica* («Герметического корпуса») представители итальянского Возрождения считали, что заново соединились с древними *по духу* — это

было освобождение после того, как Средние Века принесли варварство и репрессии, а также закрыли европейский «разум».

Таким образом, когда флорентийский платонизм стал доминирующей точкой зрения, понятно, что художники типа Микеланджело, которых спускали в «Золотой дом», смотрели на его явную красоту как способ соединения с более широким миром земной красоты. Их опыт рассматривался художниками того времени, как земная завеса, сквозь которую мы различаем вечные человеческие ценности, просвечивающие сквозь эту завесу.

В таком случае нравственным откликом было, так сказать, согласие, подтверждение того, что значит быть человеком. И только над более поздним опытом было повешено темное эпистемологическое облако последующих эмпирических и рациональных теорий познания.

Страсти из-за подобного положения дел разгораются просто потому, что все то хорошее и истинное, что было в западной цивилизации, сохранилось и процветает в России. Это понимают, но об этом не говорят вслух, и это приводит в ярость западные элиты. И в частности именно поэтому государства БРИКС так явно смотрят на Россию как на лидера.

В некотором смысле Россия провалилась в дыру на Оппианском холме в Риме, когда русские открыли двери церквей после периода правления коммунистов, и люди туда хлынули. Православие и традиционные ценности в какой-то степени являются самовоспламеняющимися. Россия искала свое «я».

Возможно, это в некоторой степени было принудительным, но благодаря тому, что Византия пала в 1453 году, и пришел конец тысячелетней Римской империи, Россия оказалась в уникальном положении. Она теперь оказалась единственной остающейся в мире православной христианской державой.

Из-за этого в некотором смысле получилась историческая религиозная осада, невиданная в мире. Россия со всех сторон окружена исламом, римским католицизмом, турко-монгольскими каганатами, но она стала прототипическим эсхатологическим [гарнизонным государством](#) — последним оплотом истинного христианства, и значение этого выходит за рамки слов, его в большей степени понимают сердцем.

Как я пытался показать, в Европе есть элементы мультикультурализма, оставшиеся в памяти. У нас есть общие источники, восходящие к далеким временам. Надежда есть, но вначале мы на Атлантическом Западе, должны освободиться от фарса, от сегодняшних сфабрикованных европейских ценностей.